

San Lu

*Завеса
границы*

18+

San Lu

Завеса границы

«Автор»

2026

Lu S.

Завеса границы / S. Lu — «Автор», 2026

Лия Некрасова только окончила школу — и впервые чувствует себя свободной: экзамены позади, впереди целое лето. Она едет к дяде на раскопки, прихватив с собой лучшую подругу: вдвоём веселее, да и в глуши спокойнее. Место раскопок — глухое поле за несколько сотен километров от города. Когда Лия добирается до лагеря, всё выглядит странно: палатка дяди приоткрыта, вещи разбросаны, на столе остывший чай. А потом она узнаёт главное: дядя и ещё одна студентка бесследно исчезли. Полиция считает, что они просто ушли в поход и заблудились, но Лия не верит. Дядя никогда бы не бросил раскопки на полпути. В поисках зацепок Лия находит в вещах дяди странный артефакт — маленький бронзовый диск с незаконными символами. Едва она касается его, её накрывает короткая, но яркая вспышка видения: тёмный коридор, шаги за спиной и шёпот на языке, которого она не знает. С этого момента Лия понимает: исчезновение связано не с обычной прогулкой, а с чем-то древним и опасным.

© Lu S., 2026

© Автор, 2026

San Lu

Завеса границы

Пролог

Мир — штука веселая. Туман в нём стелется не как природное явление, а как занавес перед началом чего-то, о чём вам лучше не знать. Он полз по влажной земле, белесый, нетерпеливый, как очередь в поликлинику, — и ему тоже было всё равно, кто был первым. Он занимал раньше.

Екатерина шла сквозь эту мясорубку кустов и репейников, чертыхаясь на языке, которому благополучно обучилась у местных парней с района. Фонарик у неё был старый, советских кровей, и светил он так, как работают дедовские вещи: через раз, но с достоинством отпелого мазохиста. Колючие ветки цеплялись за толстовку — серую, верную, стиранную трижды в реке за практику — будто лес собирался задержать её для допроса.

«Куда ты, дура, пошла?» — спрашивала сова, смотрящая офигевшими глазами с ветки дерева.

«За кустики», — отвечала Екатерина. Птица замолчала. Потом отвернулась.

Поляна открылась внезапно — голая, огромная, вросшая в горизонт. И тут до неё дошло, дошло с размахом и с подзатыльником: она не знает, где лагерь. Вообще. Семь минут назад она была человеком с планами на переваренную овсянку на завтрак. Теперь она — декорация к чужому фильму ужасов, причём не главная героиня, а та девочка в третьем ряду, которая первой лезет куда не надо.

Экспедиция высадилась у вымирающей деревни. Сахем — то есть такой же студент, только уже выживший в двух сезонах раскопок, — водил их по тропам и показывал поляну, тянувшуюся на километры. И уже в тот момент Екатерина подумала, что лучше бы осталась в музее среди пыльных экспонатов и фасовала карточки.

«С какой-то стороны здесь должна быть трасса», — сказал тогда кто-то умный из её группы таких же первокурсников, и все согласно кивнули, потому что спорить с умным человеком в лесу негоже. Рядом красовалось кладбище: действующее, с XVIII века, за заборчиком, который ржавчина ела с аппетитом голодной родни на поминках.

Копать исчезнувший могильник по соседству с этим. Никто бы не придумал. Никто, кроме археологов их университета. Один местный житель начал пахать здесь и нашел ржавую пряжку. Никита Николаевич не долго думая забрал двух парней и уехал на разведку. Раз. Два. И грант на расчищение участка получен. Конечно силами безобидных студентов.

Екатерина тогда честно попыталась отвоевать место на кухню — и была права, как выяснилось, до жути. Но получилось только на два дня.

— Да какого чёрта! — она пнула ствол дерева и тут же присела, держась за пострадавшее место. — Где чёртов лагерь? Только не говорите, что костёр потушили...

Фонарик она встряхнула. Хлопнула ладонью — как бьют сломанный телевизор, в глубокой вере, что техника боится человеческой руки. Фонарик замолчал навсегда. Свет — молодая валюта, и её курс обнулится.

Пейзаж вокруг был незнаком, как чужая кухня после новогодней пьянки.

«Леший водит? — подумала Катя. — Нет. Никого не существует. Предрассудки прошлого». Утешение слабое, но для её мозга верно полезное.

Она сидела на земле и корила себя вежливо, по-христиански: река шумела внизу у лагеря — значит, она, дура, ушла вверх, хотя помнила, что шла вниз. И как оказалась наверху понятие не имела. Земля в этом месте, похоже, не считала себя обязанной подчиняться таким мелочам,

как рельеф и здравый смысл. Вариант с деревней неподалеку, оставался единственным рабочим способом не сдохнуть, и на него надлежало молиться.

И тут лес стал дышать. Ели сдвинулись — не по-настоящему, конечно, просто от ужаса мир выглядит подлиннее. Хрустнула ветка справа. Екатерина не анализировала: тело сделало всё само — рвануло зигзагами, как показывали в учебном ролике «Как не стать перекусом». Водятся ли в этих лесах звери, она не знала. Знала только, что быть для них завтраком — малоперспективная карьера.

Тучи расползлись, и луна посмотрела на неё полным холодным глазом. А перед Екатериной лежало то, о чём в деревне рассказывают, понизив голос: кладбище с покосившимися крестами, неровными холмиками и избушкой в глубине — прямо как в сказках, где главное правило гласит: в избушку не заходи. На тропинке горели красные гвоздики, ровные, яркие, ухоженные. Гвоздики в лесу не растут. Гвоздики, поставленные кем-то с любовью, — это не романтика. Это сервис. Видимо нечестивый. Но все же.

Позади раздался утробный рык. Перед Екатериной встала классическая дилемма: быть съеденной в лесу — или быть съеденной на кладбище, но с антуражем. Она выбрала антураж. Смерть хоть интереснее будет.

Уже на кладбище дышать стало трудно, будто кто-то повесил на её лёгкие гирию. За границей хиленького, иссохшего деревянного заборчика, туман был гуще. В памяти сами собой выползли слова местных про духов, не нашедших покоя. «Повезло так повезло, — хмыкнула про себя Екатерина. — Из всех проклятых мест на земле её закинуло именно в это. Госконтракт без конкурса».

Дверь избушки она пнула — кольцо на двери дёрнуть почему-то в голову не пришло: не хватало кислорода на мысль. Внутри пахло сладковатой тьмой — так пахнет то, что было живым и перестало. Избушка была честная: печь, стол, треснувшие от времени полотенца, чья-то жизнь, закончившаяся и просохшая. И — пыль, а под пылью, под пылью всегда что-то есть. И не всегда интересное. Студентка только сделала шаг вглубь, как доски под ногами провалились. Падение было быстрым, как с тарзанки на курорте, одно отличие - у Кати страховки не было. Боль в спине пришла не сразу, но пришла.

А потом она увидела труп. Фонарик заработал вовремя. Видимо только и ждал этого момента.

Скажу честно: у смерти в этом месте не было лица — лицо уже изъяли. Впалые щёки, выкаченные глаза, кожа в зеленовато-синем накладе, местами снятая вовсе. Свежий. Это слово Екатерина произнесла мысленно и сама себе не поверила: свежий — это про молоко в магазине. — Небеса, вы меня так сильно ненавидите? — спросила она вслух.

Небеса промолчали. Молчание в их исполнении было верхом невоспитанности.

Она шла дальше — потому что стоять было хуже, а философия здесь не работала. Туннель тянулся бесконечно, и не было в нём ни времени, ни направления, ни хоть какой-нибудь вывески «Выход» — от этого крошечного бытового неудобства Катя страдала едва ли не больше, чем от трупа. Воздух постепенно стал влажным, свежим. Где-то была вода. Фонарик окончательно сдох.

И тогда вспыхнули факелы. Небеса сделали скидку.

Разом. Без объяснений. По взмаху чужой воли. Зал развернулся перед ней во всю ширину своего кошмара: стены в незнакомых знаках, каменные колонны, что держали потолок, алтарь в центре, чьи-то кости рядом. Отлично. Кате просто везет сегодня. Студентка нашла место сборов какой-то секты. Остается надеяться, что кости курицы...ну или свиньи...Забудем про труп вначале. Так дышалось легче.

Шёпот приказал идти к алтарю. И тело — тело, которое всю жизнь Катя не могла заставить встать с дивана, — пошло. Охотно. Прямая спина. Уверенный шаг. Позавидовать. Девушка осматривала неизвестное строение в центре с особой тщательностью. Камень снизу, плоский

камень сверху, от центра к края тянулись застывшие ручьи крови. Её глаз сразу зацепился за шкатулку в центре. Деревянная резная, выглядевшая так, будто ее вчера купили в магазине рукоделия и поставили сюда. Руки сами потянулись к ней, естественно из-за научного интереса. Ледяной порыв из ниоткуда заставил Катю подбросить шкатулку от испуга. Та сделав кувырок в воздухе упала на алтарь и разбилась. Внутри оказалось украшение на веревочке. Студентка схватила вещицу и побежала прочь, потому что увидела нечто. А Нечто оказалось старухой с вывернутыми суставами, в белом саване и засохшей кровью на нижней части лица. Пустые глазницы пугали больше, чем когти на руках.

«Нет лучшей стратегии, чем бегство», — решила Екатерина, кинула в пенсионерку камнем и унеслась — по скользким камням туннеля, без фонарика, используя остатки, как трамплин. Прости, безымянный А потом и вовсе уронила шкаф на дырку в полу. Такому не научат ни на одной кафедре. Зато научат фильмы.

Лес встретил её полной темнотой и воем — протяжным, страшным, из тех, что режут по ночам деревенские собаки, если собаки умеют петь похоронное. Ей казалось, что за ней гонится армия мёртвых, и, что важно, ей казалось это обоснованно.

— Археологи ничего не боятся! — выдохнула она на бегу. — Только отчётов!

Лёгкие жгло, бок сводило, спина отказывала функционировать. Но она бежала. К лагерю. К людям. К жизни, в которой есть кофе, наука и нарисованные мужчины. Потому что остановиться сейчас — значит умереть. А Екатерина умирать сегодня не планировала. У неё на завтра запланирована чистка украшений.